

Религиозная искренность в ее глубоком и цельном значении **составляет** самый **смысл** человеческой жизни. Каждый из нас имеет призвание стать Божиим огнищем с его искрами – купиной духа, из которой исходят любовь, вера, совесть, художественное видение и все иные духовные акты человека. Эта купина должна питаться Божиим огнем, получать от него свои силы. От этой купины человек приобретает внутри центрированность и цельность, и извне – духовную прозрачность. Это значит, что обычная человеческая **«искренность»** **получает свое истинное и глубокое значение от искренности религиозной.**

Религиозная искренность состоит в том, что человек остается верен своему главному божественному Центру, своей «Купине». Тогда ее искры пронизывают всю человеческую жизнь, которая становится верным выражением центрального огня.

Предательство понимают обычно как общественное явление – как неверность одного человека другому или другим. Это обычное понимание поверхностно и недостаточно широко, ибо оно упускает религиозную природу обсуждаемого явления. Предательство может состояться и без того, чтобы было обмануто чужое доверие, или чужое, вызванное мной ожидание. И обратно: может быть так, что чужие, вызванные мной ожидания не оправдаются из-за моего образа действий, а налицо будет не предательство, а лишь его общественная видимость.

Человек совершает действительное предательство только тогда, когда он предает Бога, сам в себе, один «на один» – когда он без всяких религиозных оснований изменяет своему Центру, своей Купине. **Настоящее предательство есть акт внутренний, измеряемый мерками духовной веры и духовной верности;**

и именно в этом глубоком, одиноком самопредательстве, которое есть в сущности малодушное отречение от своей святыни,

искрываются сущность, грех и падение общественного предательства. Ясно, что к предательству, строго говоря, способен лишь тот, кто совершил духовное центрирование и лишь постольку, поскольку он его осуществил, кто видением узнал, любовью принял и верой исповедал пред Богом и перед самим собою главную святыню своей жизни или, по крайней мере, своими словами и делами дал другим основание считать его избравшим свою святыню и укоренившимся в ней. **Человеку, не имеющему самостоятельного отношения к добру и злу, к Богу и противобожественным силам мира, лишённому искренней любви и веры, – нечего предавать.** Он – ковыль колеблющийся, лист, носимый ветром.

Чтобы предать святыню – надо ее «иметь». А человек, к сожалению, далеко не всегда знает, «имеет» он ее или нет. Люди нередко принимают еле живую традицию за свою личную «веру», и в критический момент разочаровываются; они принимают простую привычку за духовное убеждение. Такому человеку нетрудно отречься от того, к чему он, в сущности говоря, никогда и не «прирекался». Он не знал о себе настоящей духовно-религиозной правды и узнает ее теперь впервые: а именно, что он не был предан ничему и что потому он «предает» без «предательства».

Предательство начинается там, где решающее слово должно принадлежать

Центру; где человек принимает такое духовно-существенное решение, которое является центрально не оправданным, не выросшим из духовного видения, т. е. периферически-произвольным.

Предательство есть измена главному без центрально-достаточных оснований. Эта измена бывает иногда «достаточно

обоснована периферически, т.е., например, соображениями «пользы» и «вреда», житейскими расчетами и т.д. Но эта периферическая обоснованность ничего не весит перед лицом центральных требований и духовных потребностей. Испытывая эти центральные требования, человек нередко говорит, что он «идет на компромисс с совестью»; и сам испытывает внутреннее предательство.

Кризис и последствия. Единожды совершивший духовное предательство или переживает кризис и начнет строить себя заново из Купины и научится иметь единый и единственный, властный, искрящийся религиозный центр; или же он не найдет в себе ни силы, ни воли для такой «реставрации»; и тогда для него откроются две возможности: или обходиться совсем без духовно-религиозного Центра и вернуться в состояние духовной «невменяемости», не знающей ни духа, ни веры, ни верности, ни предательства; или же примириться с тем, что в его душе образуются два или даже три «полуцентра», между которыми он будет вечно колебаться.

- ❖ **Человек, имеющий действительно единый и единственный религиозный центр, живет и поступает, имея перед собой не много разных «возможностей», но единственную необходимость:** он не может иначе действовать; и не хочет иначе; и не может иначе хотеть; и не хотел бы иначе мочь; и знает, что он делает «должное», потому что оно **Божие, лучшее и любимое.** Эта необходимость исходит из его религиозной Купины и возводит его верность к Богу.
- ❖ **Напротив, человек со слабым и распадающимся центром – всегда имеет перед собой множество различных «возможностей». Такой человек всегда может – и «так», и «иначе»; он всегда способен настроить себя по-новому, в зависимости от житейских соображений и пользы.** Самоопределение такого человека всегда условно и неверно; его волеизъявление – духовно несостоятельно и, в сущности, не связывает его; его решения – отменимы и изменимы; его «честное слово» – нечестно. Такой человек страдает духовной и религиозной беспочвенностью, которая отнимает у него «дар верности». Еще не «предав», только «высказавшись», он уже предал сою позицию, ибо он не вложил в нее сам и не закрепил ее лучом своего Центра. Он лишен личностной силы, духовного бытия, религиозных корней. И потому *он является как бы воплощенным противоречием: и это противоречие является сразу – сущей трагедией и великим соблазном.* На таких людей нельзя полагаться. На них нельзя построить жизнеспособной организации: ни семьи, ни корпорации, ни церкви, ни государства.
- ❖ Эпоха, когда такие люди преобладают, становится эпохой разложения и крушения. Церковь, не способная воспитывать религиозно-центрированные характеры, губит сама себя. Государство, насаждающее насилие и размножающее людей такого уклада, не достойно своего имени. Безбожная власть, стремящаяся подавить в душах всякий религиозный опыт – извращают и попирают самую природу духа, они нарушают и разрушают самое главное – здоровый религиозный ритм и строй человеческой души. Этим они готовят себе самим вырождение и гибель.
- ❖ **Все это можно свести к основной формуле: подлинная религиозность исключает духовное предательство.**